

БРАК В ДЕЛЕ ЛЮБВИ

ИЗ ОТВЕТОВ НА ЗАПИСКИ

«Режиссер Роман Виктюк сказал в телеинтервью: любовь никогда не кончается семьей: представьте себе Тристана и Изольду в браке, Ромео и Джульетту! Причина в том, что культ семьи — это часть культа государства, его ячейка: так легче управлять людьми. Сейчас все это рухнуло, и должно было рухнуть. Как вы воспринимаете подобные суждения?»

Никак не воспринимаю. Любовь и брак — дело интимное, тут и по дереву постучишь, и трижды через плечо сплюнешь, пока что-то вслух решишься сказать. Не из суеверия даже: мое поколение воспитано вдали от суеверий, — а потому, что личные отношения — материя настолько хрупкая, внушаемая и беззащитная, что любое суждение, то есть вторжение — грозит «подействовать», «спугнуть», «навести». А главное: какие тут могут быть правила? «Любовь никогда не кончается семей?» У одного не кончается, а у другого именно в семье и возникает. И что, такое «любовь»? Вы тоже не определите. Ясно только, что любовь — выведение всех личностных параметров в предельный режим. А какие это параметры, опять-таки зависит от личности: у одного в составе секс, у другого — дух, у третьего — быт. Никто не смеет говорить: это у нас любовь, а «у них» — подделка. Потому что завтра подделкой окажется твое. И будешь расплачиваться. И с

ужасом станешь думать: за что? Я же так старался, чтобы была любовь! А любовь — это ты сам, только в последней концентрации. Если ты из металла, такая и любовь у тебя. Или если ты из воска. Или из нервов. Будь собой и получи в ответ себя. Поэтому опыт одного тут другому не поможет. Охотно верю, что для Романа Виктюка семья означает конец любви. Все зависит от того, в чем смысл твоей жизни. Хочешь любви — постройшь семью из любви. Хочешь гулянки — получишь гулянку. И за то, и за другое расплатишься. Все вообще дорого стоит. А чтобы свалилось тебе и то, и другое, и третье, — так не бывает.

Лев Толстой прожил с женой полвека. Не надо спрашивать, счастливо ли: этого никто окончательно не знает, и со стороны тем более не видно. Но прожил. Потому что и он, и она хотели этого. Ну, запишите: удачный брак. А с чего начинался? Я имею в виду тот самый эрос, который теперь под любовью имеется в виду и который с

браком «умирает». Начался брак Толстого с сокрушенной записи в дневнике: «Не она». Не та единственная, которая и т. д.

Сказалось: та. «Та единственная» — сочетание качеств. Будешь это самое сочетание искать — не найдешь. И вечно в дураках: того тебе недодано, этого. Конечно, качества значат многое, но ведь и твои качества тоже значат многое, не только «ее». И в тебе ей столько же недодано, сколько в ней — тебе.

Значит, поверх «качеств» («под», «вне» — неважно), лежит нечто, от «качеств» уже не зависящее. Неважно, такая или не такая. Важно: эта.

На философском жаргоне именуют два уровня: «такости» и «этотости». В то мгновение (мистическое, таинственное, судьбоносное), когда две жизни соединяются в одну, — все «качества» начинают отсчитываться от другой черты, чем до того. Не важно, «какая» и «какой». Важно: «эта» и «этот». Вот это существо. И ничего больше. Все остальное — в этой системе координат: остальные аннулируются.

«Качества», знаете ли, для чужих. И чтобы нами «управлять». Все люди с такими-то качествами (признаками, пунктами в анкете) подходят под те или другие правила.

А тут — никаких правил.

И никакого никому отчета — только друг другу. Вернее, тому единому, что два человека составляют друг из друга и друг для друга своей волей.

А из чего это единое состоит: из секса, эроса, дружества, идейности, общего жития или общей гулянки, — это никого не касается. Только двоих. Это наше дело и наш баланс. И никому отчет в этом давать не надо: ни парторгу, ни телеинтервьюеру, ни госчиновнику, ни полиции нравов.

Что «культ семьи» при социализме был частью «культа государства» — такой же миф. Начался социализм в России с хрустальных снов и алюминиевых дворцов Веры Павловны, в которых парочки, если помните, удалялись от всех по обоюдному желанию и возвращались ко всем по утлению одного. И реализовался «социализм» в России под ликование проповедников вольного эроса и теоретиков «стакана воды». Моя мать с моим отцом к загсу близко не подходили, а между прочим, если бы отца на войне не угробили, то прожили бы, может быть, вместе до счастливой старости.

А что к войне семью принажились внедрять обратно и использовать для контроля над поведением, — так для контроля стали использовать все, что можно, не только семью. Народ к войне гото-

вился, в армию строился — причем тут «социализм»? «Социализм» в русском варианте и был собиранием народа в армию; культ семьи оказался просто частью процесса.

Плюс, конечно, накопившаяся усталость детей от разгула отцов и дедов.

Гуляли и отцы наши, и деды. Отцы — в эпоху революции и гражданской войны (где там жениться? когда? все на колесах!). Но началась-то гуляба — при дедах. Арцыбашевская «вседозволенность», нравы «позорного десятилетия» — это-то в недрах старого, традиционного общества разверзлось. Потому что накопилось в людях ощущение тюрьмы, крепости, неподвижности нравственной — вот и вырвались... и вырвались — именно с началом глобальных социальных сдвигов: с началом движения переселенцев, с распадом общины, с потоком маргиналов в города. Интеллигенция с ее теориями «вседозволенности» — это же только гребешок волны. А рождается-то — в глубине народной. Тем более что тут такой прибор: мировые войны.

Кстати. Убеждение, что «семья — ячейка государства» и что «семейных» легче контролировать, — иллюзия. Семья может как раз быть бастионом сопротивления государственному давлению, и манипулировать в принципе легче гуляющей армией оди-

ночек, ищущих удовлетворения своих бесконечно возникающих желаний, чем самодостаточной «ячейкой», где люди не ищут опоры вовне и опираются на созданное ими микродовольствие.

Так что не вяжите семью ни с социализмом, ни с партократией, ни с номенклатурой, ни с советской властью. При советской власти отношение к семье менялось неоднократно и диаметрально. И на последних ее десятилетиях, при всех усилиях этой власти укрепить семью — началось суцая жуть с подбрасыванием младенцев к порогу роддома. Молодые женщины, рожая невесту от кого, стали отказываться от детей. Детские дома оказались переполнены — это в «мирную»-то эпоху, когда ни на Гитлера, ни на Наполеона, ни на Вильгельма не свалишь. Ни на Пугачева, ни на Деникина.

Нет уж, свою кашу самим расхлебывать.

Вот и спросим себя: почему молодая женщина рождает неведомо от кого? Почему несет младенца к чужому крыльцу? Да это еще не худший случай: слава богу, если не удумит и не подкинет на помойку в «полиэтиленовом пакете». Что же это за несчастье с народом? «Мужиков нет». А где мужики? «Пьют и гуляют».

Ну, так что нам нужен, чтобы мы перестали пнуть и гулять? Гитлер? Сталин?

Или утешимся тем, что Ромео и Джульетта были бы несчастны, попусти их Шекспир к браку? Может, и «были бы». Ну, так дайте им попробовать этого «несчастья». Не говорите, что любовь никогда не кончается семьей. Кто что ищет, тот то и находит.

Я, между прочим, в юности был убежден, что семья — предрассудок, чушь и условность. Воспитание сказало: врезались иронические реплики родителей («Какой заг? Может, еще и в церковь сбегаешь обвенчаться?»). Да и Энгельса любил: Энгельс, в отличие от Маркса, не загружал голову экономикой, а выводил на вольный простор. Вот я и дышал вольным простором. Свободен! Хочу — соединяюсь, хочу — разъединяюсь. Люби, куда любишься! Как можно насильно влюбиться? Ах, дети!.. А государство на что? Оно, государство, куда лучше нас воспитает наших детей. Ему и вручим. А сами — как вольные птицы.

Помню, весь месяц спорили в студенческой бригаде летом 1954 года — сколько копнилки, столько и спорили. Меня прозвали тогда «пожирателем младенцев». Враг семьи, проповедник вольного эроса. Ни заботы, ни труда — любовь в чистом виде. Птичка божья...

И представить себе не мог, что два года спустя — женюсь, и десятилетие за десятилетием буду жить в «законном браке», оформленном по всем правилам делопроизводства, и трех дочерей выращу, не слишком веря их благотворному государству. Но рассказывать об этом бессмысленно и не нужно. Как я уже объяснил —

по причине как бы суеверной: чтобы не дразнить судьбу. А еще — по причине невозможности применить эти уроки. Я не говорю о счастье, потому что счастливым может быть и человек, сменивший тридцать любовниц, не доведший ни одну свою любовь до семьи и не потративший себя на детей. Счастье человеческое — таинство.

Для себя, я, правда, вынес из этой истории то ощущение, что женщина, которая, как это называется, «поняла меня», — на самом деле поняла не «меня», а поняла «во мне» куда больше чем я сам понимал. Но ведь не каждый захочет признаться себе, что в жизненном отношении он дурак (профессиональные способности и прочие высоты духа оставим в покое — это другое). Речь идет о том, как перейти то поле, которое зовется «жизнью».

Так вот, скажу только, что в этой жизни хоть все вроде и доступно, однако никогда никому не дается «все». А за то, что дается, надо платить. При любом раскладе. И при тридцати любовных приключениях. И при «образцово-показательном» браке. Что-то берешь, чем-то жертвуешь. И — никакого общего правила для всех, а только твоя расплата за твое решение.

И уж, конечно, надо оставить в покое «государство», которое «управляет» нами через семью, а также Шекспира, угробившего влюбленных до свадьбы. Симонов сказал: «все романы обычно на свадьбах кончатся, потому что не знают, что делать с героем потом». Иные романы со свадьбой только и начинаются, и герой отлично знает, что ему делать. И пусть делает.